

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Агеев А.С. Между адмиралом Ф. Ф. Ушаковым и Сицилийским двором: дипломатическая миссия А. Я. Италинского в Неаполе (1799 г.) // Исторический журнал: научные исследования. 2025. № 1. DOI: 10.7256/2454-0609.2025.1.73560 EDN: MWNNTY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73560

Между адмиралом Ф. Ф. Ушаковым и Сицилийским двором: дипломатическая миссия А. Я. Италинского в Неаполе (1799 г.)

Агеев Алексей Сергеевич

ORCID: 0009-0001-7382-1411

аспирант; Исторический факультет; Московский государственный университет им. МВ. Ломоносова

119234, Россия, г. Москва, ул. Ломоносовский Проспект, 27, корп.4

✉ ageevas@my.msu.ru

[Статья из рубрики "Личность в истории"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2025.1.73560

EDN:

MWNNTY

Дата направления статьи в редакцию:

03-03-2025

Дата публикации:

13-03-2025

Аннотация: История взаимоотношений Российской империи со своими «малыми» союзниками во время войны Второй антифранцузской коалиции (1798-1802), дипломатическая подготовка военных действий и вклад в эту подготовку конкретных сотрудников российского внешнеполитического ведомства (Государственной коллегии иностранных дел) – темы, требующие более глубокого изучения на основе архивных материалов. Предмет настоящего исследования – малоизученный эпизод биографии российского дипломата А. Я. Италинского (в конце XVIII века служившего советником посольства Российской империи при дворе короля Обеих Сицилий), с июля 1799 г. выполнявшего обязанности «уполномоченного по военным делам», которые потребовали от него установления прямого взаимодействия с Сицилийским двором, вице-адмиралом

Ф. Ф. Ушаковым и другими командующими союзных сил. Опираясь на принципы историзма и объективности, используя общенаучные методы и специальные методы исторического исследования, автор детально реконструирует деятельность А. Я. Италинского весной – осенью 1799 г., основываясь как на официальных дипломатических донесениях, так и на материалах личного архива дипломата. В статье подробно исследуются причины нового назначения А. Я. Италинского, рассматриваются особенности восприятия российскими дипломатами подавления Неаполитанской революции, анализируется роль А. Я. Италинского в переговорах Ф. Ф. Ушакова с Сицилийским двором и британским контр-адмиралом Г. Нельсоном, итогом которых стало фактическое подчинение действий российской эскадры региональным интересам сицилийского кабинета, стремившегося к обеспечению безопасности Неаполя и борьбе с расширением австрийского влияния в Центральной Италии. Особое внимание автор уделил пребыванию А. Я. Италинского вместе с эскадрой Ушакова в Неаполе, проанализировав характер переписки Италинского с адмиралом и королевской администрацией, а также роль дипломата в организации похода русского отряда на Рим и подготовке несостоявшейся экспедиции на Мальту. Признавая несомненные заслуги А. Я. Италинского в деле поддержания связи между вице-адмиралом Ф. Ф. Ушаковым и неаполитанской администрацией, автор приходит к выводу, что личные взгляды дипломата, наряду с целым рядом других факторов, неминуемо должны были повлиять на характер деятельности российской эскадры, осенью 1799 г. фактически оказавшейся в зависимости от планов и распоряжений Сицилийского двора.

Ключевые слова:

А. Я. Италинский, Ф. Ф. Ушаков, Г. Нельсон, Ф. Руффо, Неаполитанская революция, Королевство обеих Сицилий, Неаполь, Рим, Мальта, Вторая коалиция

История деятельности российской дипломатии в годы войны Второй антифранцузской коалиции (1798-1802) изучена явно недостаточно по сравнению с историей действий русской регулярной армии и флота. Между тем именно дипломаты, аккредитованные при иностранных дворах, руководствуясь инструкциями из Санкт-Петербурга и собственным опытом, должны были обеспечить реальное взаимодействие между Российской империей и ее союзниками, в том числе координируя действия между иностранными правительствами и командующими российских вооруженных сил. Одним из дипломатов, ответственных за такое взаимодействие, был Андрей Яковлевич Италинский (1743-1827), с 1785 г. занимавший должность советника посольства Российской империи при дворе Неаполитанских Бурбонов (а в отсутствие главы дипломатической миссии выполнявший обязанности поверенного в делах) ^[14]. Выходец из мелкопоместного черниговского дворянства, дипломированный доктор медицины и любитель древностей, А. Я. Италинский получил наибольшую известность в качестве опытного дипломата уже в последующее царствование, возглавив российские посольства в Константинополе (1802-1806, 1812-1816) и Риме (1817-1827). Между тем его путь вверх в дипломатической карьере начинался именно в Королевстве обеих Сицилий, и именно правление Павла I стало для А. Я. Италинского временем ранее невиданного карьерного взлета: вскоре после начала активных боевых действий в Северной Италии Италинский был назначен уполномоченным по военным делам, задачей которого должно было стать взаимодействие с Сицилийским двором и командирами русских эскадр и военных отрядов в Средиземноморье. В течение девяти месяцев дипломат действовал независимо от посланника при Сицилийском дворе В. В. Мусина-Пушкина-Брюса (до тех пор, пока в

марте 1800 г. не занял его место в соответствии с рескриптом Павла I от 23 января 1800 г. [5, л. 11]), особенно тесно сотрудничая с вице-адмиралом Ф. Ф. Ушаковым и его подчиненными, обеспечивая их взаимодействие с Сицилийским двором и выступая в качестве посредника между русскими офицерами и чинами сицилийской и неаполитанской администрации. Самым ярким эпизодом «особой» миссии А. Я. Италинского стало его двухмесячное пребывание вместе с эскадрой адмирала Ф. Ф. Ушакова в Неаполе (сентябрь – ноябрь 1799 г.), не так давно занятом войсками роялистов под командованием кардинала Ф. Руффо.

Этому эпизоду, а также истории назначения А. Я. Италинского «уполномоченным по военным делам», характеру его миссии, восприятию им неаполитанских событий в июне – июле 1799 г., особенностям взаимодействия дипломата со своим руководством, российскими военными и королевской администрацией, и будет посвящена настоящая статья, главными источниками для которой послужили не только официальные реляции и депеши А. Я. Италинского, но и материалы его личного архива, включающие черновики дипломата и его переписку с разными лицами (документы из личного архива дипломата, возвращенные в Россию уже после его смерти в Риме, хранятся в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ) и составляют 13 дел из Ф. 340 «Коллекция документальных материалов из личных архивов чиновников МИД» (Оп. 598. А. Я. Италинский), а также дело 465 из Ф. 70 «Сношения России с Неаполем» (оп. 70/2), в 1981 г. перемещенное из Ф. 190 «Посольство в Риме»).

1. Новое назначение А. Я. Италинского (весна – лето 1799 г.)

В конце декабря 1798 г. сотрудники российского посольства при дворе короля Обеих Сицилий следом за королевским двором покинули охваченный волнениями Неаполь, находившийся в ожидании французского вторжения. 25 декабря 1798 г. (5 января 1799 г.) на кораблях португальской эскадры адмирала маркиза де Ница они прибыли в Палермо, столицу Сицилийского королевства [2, л. 4 – 4об.]. Менее чем через месяц в Неаполе была провозглашена Парthenопейская республика, а вскоре город был оккупирован французской армией генерала Ж. Э. Шампионне. Таким образом, вторжение королевских войск на территорию Римской республики, осуществленное в ноябре 1798 г., обернулось для династии Неаполитанских Бурбонов полной катастрофой и потерей одного из двух подконтрольных ей королевств.

В одном из своих писем А. Я. Италинский, советник российского посольства, утверждал, что предвидел крах неаполитанской армии и неоднократно предостерегал королевское правительство от необдуманных действий, еще в июне 1798 г. представив двору, что без помощи со стороны Павла I «Королевство Неапольское неминуемо поработщено будет Францией» («Жаль, что для маловажности пророка не уважено пророчество») [10, л. 114об.]. Как кажется, формальное положение Италинского при посольской миссии не должно было давать ему права на личное взаимодействие с королевским двором и кабинетом – он был всего лишь вторым по значимости лицом российской миссии, лишенным репрезентативных функций и подчиненным ее главе, молодому аристократу графу Василию Валентиновичу Мусину-Пушкину-Брюсу (1773-1836). В действительности, однако, ситуация обстояла совершенно иначе: А. Я. Италинский, находившийся в Южной Италии уже более десяти лет, пользовался особым расположением Неаполитанского двора и первого министра королевства Дж. Актона, обладал большим опытом и фактически направлял повседневную работу миссии, в том числе благодаря своим связям и наличию целой сети информаторов. Таким образом, подчиненное положение Италинского при миссии отнюдь не соответствовало его реальной роли. В равной

степени и В. В. Мусин-Пушкин-Брюс, занимавший должность посланника при Неаполитанском дворе всего лишь с весны 1797 г., не обладал ни достаточным опытом, ни связями, ни доверием королевского министерства, необходимыми для того, чтобы направлять работу дипломатической миссии (в письме А. Я. Италинскому от 11 марта 1799 г. российский консул в Мессине А. Манзо именно неопытностью Мусина-Пушкина объяснял оставление советника посольства в Южной Италии, несмотря на его многочисленные прошения об отпуске, при этом характеризуя посланника как «молодого министра, новичка в дипломатической карьере и малоспособного в том числе из-за плохого состояния собственного здоровья (*un giovane ministro novizio nella carriera diplomatica, e puoco abbile anche per lo stato cattivo della sua salute*)» [\[10, л. 20\]](#). Во многом именно это несоответствие реальных ролей Италинского и Мусина-Пушкина формально занимаемым ими должностям и вызвало конфликт между ними, ставший особенно острым к началу весны 1799 г. В одном из своих писем А. Я. Италинский жаловался на молодого посланника, сделавшего, как он уверял, «нестерпимым» его дальнейшее пребывание в Палермо: «...Граф Василий Валентинович почитая что одно имя министра должно поставить его во мнении общем столь высоко сколь ему угодно, пренебрегает прочие средства нужные для приобретения желаемого им уважения. Каково поведение сие, такие следствия противные самолюбию и тщеславию его, которыми Граф чрезвычайно отличает себя. Не хочет видеть прямой сему причины, обвиняет меня и всякой знак благорасположения, оказываемого мне Их Величествами и министерством, считает ущербом чести своей и нарушением прав его... На сих днях без всякой... причины имел он со мною объяснения, которые действительно больным меня сделали...» [\[10, л. 112об. – 113\]](#).

Помимо письма с жалобами на Мусина-Пушкина одному из своих покровителей (вместе с повторной просьбой об отпуске), А. Я. Италинский сообщил о своем желании удалиться из Южной Италии князю Бельмонте, от которого об этом намерении узнали Дж. Актон и королевская чета, и именно ими было сделано прошение в Санкт-Петербург об оставлении советника посольства при миссии и его наделении особыми полномочиями для осуществления связи между королевским правительством и русскими войсками [\[10, л. 113об.\]](#): уже 9 марта 1799 г. Дж. Актон написал неаполитанскому посланнику в Санкт-Петербурге герцогу ди Серракаприола [\[8, л. 5\]](#), а спустя два месяца, 20 мая 1799 г. первоприсутствующий в Коллегии иностранных дел граф Ф. В. Ростопчин передал соответствующее представление неаполитанского дипломата императору Павлу I [\[8, л. 19\]](#).

Через шесть дней, 26 мая 1799 г. последовал Высочайший рескрипт на имя А. Я. Италинского, в тексте которого прямо говорилось о том, что главной причиной наделения советника посольства новыми полномочиями стала просьба Сицилийского двора («Вследствие отзыва Дюка Серра Каприола к Министерству Нашему, что Его Неапольскому Величеству приятно будет продолжение пребывания Вашего при дворе его, наипаче в настоящих смутных обстоятельствах Италии и по делам относящимся до воинских действий, по которым чувствуем и Мы, что настоять может нужда в деятельном сношении с начальствующими войсками Нашими; Мы желаем чтоб остались при Его Величестве Короле Неапольском....» [\[12, л. 201\]](#)) Сразу стоит отметить, что это был не единственный случай, когда в Санкт-Петербурге было принято решение разделить полномочия между главой дипломатической миссии, сохранявшим репрезентативные функции, и одним из ее сотрудников, которому поручалась переписка, связанная с военными делами (по такой же схеме весной 1799 г. были разделены обязанности между

послом в Вене А. К. Разумовским и отправленным в австрийскую столицу С. А. Колычевым, пользовавшимся большим доверием в Санкт-Петербурге [\[1, л. 600\]](#)). Между тем случай Италинского был все-таки особенным: гораздо большее внимание в императорском рескрипте было уделено другому «особому поручению», которое в Санкт-Петербурге тогда считалось более значимым – речь шла о «бывших Венецианских островах» (Ионических островах), куда Италинскому было предписано поехать при первой же возможности для того, чтобы, действуя совместно с адмиралом Ф. Ф. Ушаковым (чьи политические организационные способности ставились в Санкт-Петербурге под сомнение), изучить обстановку на местах и представить императору «обстоятельные виды к установлению на тех островах правления Республики Аристократической» [\[12, л. 202об.\]](#) (по образцу Рагузской республики).

Получив копию рескрипта через посланника в Константинополе В. С. Томару 10 (20) июля 1799 г., А. Я. Италинский, в течение всего прошедшего года буквально «засыпавший» Коллегию иностранных дел прошениями об отпуске (формально – из-за плачевного финансового положения и плохого состояния здоровья), теперь не мог сдержать радости по поводу своего нового назначения. В письме от 20 (31) июля, адресованном графу С. Р. Воронцову, Италинский писал: «Теперь будучи крайне доволен судьбою моею, не могу не похвалиться ею пред Вашим Сиятельством, тем больше что вижу в том действие благодетельных Ваших обо мне отзывов к графу Виктору Павловичу [Кочубею]...» [\[10, л. 151\]](#) В последующие месяцы А. Я. Италинский энергично принялся за исполнение своих новых обязанностей, связанных с взаимодействием по военным делам (важно отметить, что он не принял на себя никакого «публичного звания», формально до весны 1800 г. оставаясь советником посольства). При этом поручение, связанное с поездкой на Ионические острова, не вызвало у Андрея Яковлевича особого энтузиазма (в одном из своих более поздних писем, адресованных В. С. Томаре (ноябрь 1799 г.), Италинский писал: «...Может быть по взятии Мальты получу какой ни есть пост, который избавит меня от поездки в бывшие Венецкие острова, где все в великом беспорядке, где я не могу быть полезным» [\[17, с. 628\]](#)). Главные заботы Италинского летом – осенью 1799 г. были связаны в первую очередь с посредничеством, которое он должен был осуществлять между Сицилийским двором, британским адмиралом Г. Нельсоном и вице-адмиралом Ф. Ф. Ушаковым, 24 июля 1799 г. покинувшим со своей эскадрой о. Корфу для того, чтобы идти в Мессину и вступить в прямые переговоры с командованием союзников.

2. Российская дипломатия и подавление неаполитанской революции. Прибытие эскадры Ф. Ф. Ушакова в Палермо (август 1799 г.)

К лету 1799 г. обстановка в Средиземноморье переменилась в пользу антифранцузской коалиции. Русско-австрийские войска под командованием А. В. Суворова очистили от французов всю Северную Италию, за исключением побережья Генуэзского залива, русско-турецкая эскадра Ф. Ф. Ушакова и Кадыр-бея закрепились на Ионических островах и отныне контролировала всю акваторию Адриатического моря, а турецкая армия при поддержке британского флота смогла вытеснить французскую армию генерала Бонапарта из Сирии. В июне 1799 г. пала оставленная французами Партенопейская республика: Неаполь был захвачен роялистскими войсками под командованием кардинала Ф. Руффо при поддержке русского отряда (ок. 560 человек) с эскадры Ф. Ф. Ушакова во главе с капитан-лейтенантом Г. Г. Белли (формально находившимся под началом неаполитанского дипломата Антонио Мишеру). Капитуляция на умеренных условиях, подписанная кардиналом Руффо с лидерами неаполитанских республиканцев (23 июня), уже на следующий день была аннулирована прибывшим из Палермо

британским адмиралом Г. Нельсоном, который действовал по прямому приказу Сицилийского двора, требовавшего самых жестоких мер в отношении своих мятежных подданных (в отличие от Руффо и Мишеру, сторонников компромисса и более умеренной политики в «очищенных» от республиканцев неаполитанских провинциях [\[24, p. 116 – 121\]](#)). Стихийное насилие, вспыхнувшее на улицах Неаполя после вступления в город слабо организованных отрядов кардинала Руффо, переросло в организованный роялистский террор, начало которому де-факто было положено самим Нельсоном, взявшим под арест сдавшихся республиканцев (которым ранее был обещан свободный отъезд во Францию) и приказавшим казнить неаполитанского адмирала Ф. Карачиоло на борту сицилийского фрегата [\[27, p. 314 – 327\]](#). Институциональное оформление роялистского террора последовало уже в следующем месяце, когда в ходе краткого, продлившегося около месяца пребывания в столице короля Обеих Сицилий Фердинанда IV (который, правда, так и не сошел на берег, используя в качестве своей «резиденции» флагман адмирала Нельсона) 21 июля 1799 г. в Неаполе была учреждена Государственная судебная комиссия (Giunta di Stato) [\[23, p. 277\]](#), занявшаяся разбором дел вчерашних деятелей Партенопейской республики и всех тех, кого подозревали в сочувствии к якобинцам. С июля 1799 г. по сентябрь 1800 г. более 8000 человек было обвинено в государственной измене, из них более 150 человек приговорили к смертной казни [\[24, p. 121\]](#), [\[23, p. 255 – 260\]](#).

Восприятие событий Неаполитанской революции 1799 г. русскими дипломатами в Южной Италии – достаточно хорошо изученный сюжет (преимущественно на основе реляций В. В. Мусина-Пушкина-Брюса) [\[15, 19\]](#). Важнейшей работой, посвященной этой теме, является монография Г. А. Сибиревой «Неаполитанское королевство и Россия в последней четверти XVIII в.» (1981), многие выводы которой до сих пор сохраняют свою научную актуальность. Тем не менее, кажется необходимым на основе анализа архивных документов скорректировать некоторые оценки историка, касающиеся отношения Италинского и Мусина-Пушкина к проводившейся летом 1799 г. карательной политике Неаполитанских Бурбонов. Основываясь на официальной переписке, Г. А. Сибирева противопоставляла взгляды обоих дипломатов, считая, что именно негативное отношение Мусина-Пушкина к роялистскому террору вызвало недовольство Сицилийского двора и, в итоге, способствовало его окончательному отзыву из Южной Италии, в то время как «возвышение» Италинского было в том числе связано с выбранным им «тоном благонамеренного, но беспристрастного наблюдателя» [\[19, с. 129\]](#) (один из аргументов Г. А. Сибиревой был связан с анализом использовавшегося Мусиным-Пушкиным языка: так, она увидела завуалированный протест в описании Мусиным-Пушкиным массовых казней в Неаполе как «позорища, почти ежедневно там происходящего» [\[19, с. 123 – 124\]](#), однако этот аргумент не выдерживает никакой критики: точно такое же слово («позорище» в значении «зрелище») посланник употребил в другой своей реляции по отношению к «потешным огням» на праздник Св. Розалии [\[3, л. 74\]](#)).

Сравнение текстов реляций А. Я. Италинского и В. В. Мусина-Пушкина-Брюса, а также использовавшихся ими источников, показывает, что оба дипломата описывали то, что происходило в Неаполе в июне – июле 1799 г., основываясь на официальных донесениях, приходивших в Палермо от главных участников подавления революции (в том числе от кардинала Руффо и адмирала Нельсона), и в своих описаниях совершенно отчетливо отражали взгляд на эти события Сицилийского двора. В донесениях Италинского и Мусина-Пушкина, посвященных ситуации в Неаполе, много общего: нейтральный тон по отношению к июньским событиям и действиям Г. Нельсона,

отсутствие каких бы то ни было симпатий к неаполитанским республиканцам и острая критика в адрес кардинала Руффо, характерная как для В. В. Мусина-Пушкина («Их Величества и Министерство приметили с некоторого времени, что поступки кардинала в рассуждении бунтовщиков, особливо таких, которые отличное в дворянстве имели состояние, представляют ослабие, противное правилам нелицеприемного правосудия» [\[3, л. 4 – 4об.\]](#)), так и, в еще большей степени, для А. Я. Италинского, видевшего в кардинале сторонника «дворянского заговора», направленного против Дж. Актона («Он обещал калабрам отдать город [Неаполь] на расхищение, как место, наполненное жакобинами, между тем поступал с правительством изменническим как с законною Республикою и всякое пособие подавал всем дворянам, первенствовавшим в измене» [\[4, л. 12об.\]](#)). При этом любопытен тот факт, что в более поздних реляциях, написанных А. Я. Италинским уже в Неаполе осенью 1799 г. (когда заслуги кардинала в уничтожении республики были признаны и в Палермо, и в Санкт-Петербурге), дипломат мог смягчать свой тон и опускать наиболее резкие пассажи в адрес Руффо и его армии (так, из черновика реляции от 26 октября (6 ноября) 1799 г. после слов «С Калабрии также весьма мало взыскивается в Казну...» Италинским собственноручно были вычеркнуты следующие строки: «...Для того, что сняты Кардиналом Руфом с тамошняго народа многие пошлыны, и притом многие места разорены Армиею его состоящею из черни алчной к грабежу...» [\[12, л. 275об.\]](#), [\[4, л. 68\]](#))

Важно отметить, что летом 1799 г. некоторое расхождение во взглядах двух дипломатов на неаполитанскую политику действительно обозначилось, но касалось оно не роялистского террора, а оценки планов сицилийского правительства в отношении сопредельного Римского государства. А. Я. Италинский, черпавший сведения из конфиденциальных бесед с королевой Марией-Каролиной и Дж. Актоном, в реляции от 5 (16) августа 1799 г. увязывал внешнеполитический курс Сицилийского двора с необходимостью противостоять угрозе австрийского преобладания в Италии, которое могло усилиться в том числе за счет захвата австрийцами Рима и – особенно – после предполагаемой аннексии Венским двором Анконской провинции Папского государства («Императорские владения в Италии присоединением Анконской провинции сделались бы смежными с Королевством Неаполским... Соседство державы столь сильной и страшной всей Италии поставило бы Его Неаполское Величество и преемников его в крайне ненадежное состояние касательно до спокойного и безопасного царствования на престоле Королевства Обеих Сицилий...» [\[4, л. 7об.\]](#)). В. В. Мусин-Пушкин, не пользовавшийся доверием Сицилийского двора, получал информацию из слухов, а также от сторонних лиц, в том числе кардиналов католической церкви, подозревавших Неаполитанских Бурбонов в стремлении к территориальным захватам в ущерб Папского государства («Обретающиеся здесь кардиналы почитают намерение такое несумнительным и сверх того думают, что оно означает верно желание Его Величества завладеть некоторыми церковными землями...» [\[3, л. 18\]](#)) Однако и это расхождение во взглядах, нашедшее отражение в официальной переписке, навряд ли могло непосредственным образом повлиять на отзыв В. В. Мусина-Пушкина.

Безусловно, какие-то действия молодого посланника уже к концу лета 1799 г. вызвали недовольство Сицилийского двора и оказали влияние на принятие решения о его удалении из Южной Италии, но относились они, судя по всему, к сфере «частного поведения» графа В. В. Мусина-Пушкина. Небезынтересен тот факт, что какую-то роль в этом сыграл состоявший при посольстве канцелярским служителем коллежский асессор Николай Загоровский, не знавший иностранных языков, подверженный «болезненным припадкам» и «бесполезный» для нужд миссии [\[3, л. 39 – 40\]](#) (не его ли имел в виду А. Я.

Италинский, написав на полях черновика с жалобами на Мусина-Пушкина: «... восплаем глупыми внушениями одного бездельника ас. ...» [\[10, л. 13\]](#)?) Среди официальных нот герцога ди Серракаприола сохранилась копия письма короля Фердинанда IV своему дипломату в Санкт-Петербурге с выражением сожаления по поводу отзыва В. В. Мусина-Пушкина из Южной Италии: «Я бы не хотел быть причиной потери им своей должности из-за того, что написал Вам 31 августа, так как то, что он сделал, было всего лишь ошибками, свойственными юности, поддержанными плохими советами Загоровского, который действительно является очень дурным подданным (ce qu'il a fait n'a été que des etourderies de jeunesse, mal conseillé par Zagorosky, qui est effectivement un tres mauvais sujet)» [\[9, л. 82\]](#). Еще лаконичней был Дж. Актон, сообщивший в одной из депеш герцогу ди Серракаприола (23 марта 1800 г.): «Со своей стороны я не могу не высказать некоторых сожалений относительно графа Пушкина, своим частным поведением, возможно, не заслужившего похвал, которых, однако, заслуживают многие его другие превосходные качества (qui peut bien par sa conduite privée n'avoir pas merité les eloges qui meritent d'ailleurs plusieurs excellentes qualités qu'il a)» [\[9, л. 580б.1\]](#).

23 июля (3 августа) 1799 г. соединенная русско-турецкая эскадра под командованием адмирала Ф. Ф. Ушакова бросила якорь на рейде Мессины. Русский адмирал намеревался идти к Неаполю на соединение с Г. Нельсоном для того, чтобы совместно с англичанами действовать против франко-испанской эскадры адмирала Э. Э. Брюи [\[13, с. 78 – 79\]](#). Сразу необходимо отметить широту и неопределенность полномочий адмирала: Высочайший рескрипт от 14 марта 1799 г. предписывал ему в первую очередь обеспечить безопасность Сицилии и предотвратить возможное покушение французской армии на побережье Балканского полуострова, «озаботив французов на берегах Италии» и «распространив плавание к заливам Морфедонскому, Таренскому, к проливу Мессинскому, а может быть, и к самому Неаполю» [\[17, с. 439\]](#). В условиях, когда приказы из Санкт-Петербурга были лишены всякой конкретики, планирование будущих действий Севастопольской эскадры, зависевшее от единоличных решений адмирала, неизбежно требовало установления прямого контакта с командованием союзников. В этом ему должны были помочь сотрудники российской дипломатической миссии в Южной Италии, в первую очередь А. Я. Италинский, в августе 1799 г. сыгравший роль одного из главных информаторов вице-адмирала и – одновременно – основного посредника между Ушаковым, Сицилийским двором и фельдмаршалом А. В. Суворовым.

В письмах, отправленных Ушакову 4 (15) и 6 (17) августа, Италинский передавал пожелания Сицилийского двора об увеличении количества судов на неаполитанском рейде (для утверждения в столице «общего спокойствия») и отправке «дивизии линейных кораблей» под Анкону (чтобы ускорить сдачу города), а также просьбу А. В. Суворова об установлении морской блокады Генуи и тосканского побережья [\[4, л. 23 – 250б.1\]](#). В ответ на письма из Палермо Ф. Ф. Ушаков 10 (21) августа повелел вице-адмиралу П. В. Пустошкину с семью судами блокировать Геную, а капитану 1 ранга А. А. Сорокину с тремя фрегатами идти в Неаполь, предполагая вскоре и сам прибыть туда с оставшейся частью эскадры (Ушаков также рассчитывал, что вслед за фрегатами А. А. Сорокина в Неаполь отправится небольшая эскадра Балтийского флота под командованием контр-адмирала П. К. Карцева, в эти же дни пришедшая в Палермо из Англии) [\[13, с. 94 – 95\]](#).

21 августа (1 сентября) 1799 г. русско-турецкая эскадра прибыла в Палермо. В тот же

день Ф. Ф. Ушаков впервые увиделся с А. Я. Италинским, посетившим флагман адмирала «Св. Павел» вместе с В. В. Мусиным-Пушкиным-Брюсом [\[13, с. 106\]](#).

В условиях, когда задача противостоять франко-испанской эскадре (успевшей вернуться в Кадис) потеряла свою актуальность, Ф. Ф. Ушаков считал необходимым совместно с британцами идти к острову Мальта и ускорить падение укреплений Валетты. Начав составлять план действий, Ушаков просил от Италинского подробный план Мальты (который, по его сведениям, был у Нельсона) и, в целом, обрисовал свою будущую стратегию в записке дипломату, написанной утром 24 августа (т.е. в тот момент, когда Нельсон уже отказал Ушакову в помощи британской эскадры): «Мне надобно итти туда [к Мальте] вместе с турецкою Ескадрою, места там к стоянкам на якорях неудобны, а оне всегда под парусами быть не могут. Следовательно, там быть долго нам нельзя, да и турки, обозрев надобность долго там быть, не согласятся, и потому с приходу же нашего тотчас нужно иметь сильное действие на Мальту...» [\[12, л. 336\]](#)

Лорд Нельсон, в глубине души испытывавший острую неприязнь к русскому адмиралу и критически относившийся к притязаниям Павла I на Мальту [\[20, с. 148 – 149\]](#), придерживался иного мнения. В первый же день после прибытия Ушакова в Палермо он имел разговор с Италинским, в котором, сославшись на полученные им приказы, сообщил о необходимости отправить все британские суда (включая 8 кораблей, находившихся на неаполитанском рейде) на Минорку и в Гибралтар для того, чтобы обезопасить проход в Средиземное море от французского и испанского флотов. При этом Нельсон выразил надежду на то, что русско-турецкая эскадра заменит британские корабли в Неаполитанском заливе, и эта мысль была всецело поддержана присутствовавшим при разговоре первым министром Сицилийского королевства Дж. Актоном [\[4, л. 47об.\]](#) (обращает на себя внимание тот факт, что за неделю до этого Нельсон, только получивший приказ о переброске британской эскадры на Минорку и в Гибралтар, уверял того же Италинского в том, что «оное [повеление] намерен он исполнить не прежде, как учинивши опыт касательно до взятия Валеты», и даже написал командующему британским отрядом в Мессине, прося помощи войсками [\[4, л. 32\]](#)). Если во время первой конференции Ушакова с Нельсоном (23 августа) британский адмирал ограничился тем, что отказал своему русскому союзнику в помощи английской эскадры [\[13, с. 107\]](#), то на следующий день (24 августа) на двух собраниях с участием британского посла У. Гамильтона и Дж. Актона речь шла, в целом, о бессмысленности экспедиции на Мальту и «невозможности атаковать мальтийские укрепления кораблями» [\[4, л. 48об.\]](#).

Ключевым эпизодом стало посещение корабля «Св. Павел» королем Обеих Сицилий Фердинандом IV (25 августа (5 сентября) 1799 г.), который в присутствии А. Я. Италинского обратился к Ф. Ф. Ушакову, уговаривая его отправить русско-турецкую эскадру на неаполитанский рейд, при этом слова вице-адмирала о желании, перед тем как идти в Неаполь, «принудить к сдаче» французов на о. Мальта, как кажется, были совершенно проигнорированы королем (во всяком случае, если судить по описанию диалога, сделанному А. Я. Италинским) [\[4, л. 48об. – 49\]](#). В своей реляции Павлу I Италинский писал, что «того же вечера» Ушаков решил исполнить пожелание Фердинанда IV. Записка, написанная адмиралом Италинскому на следующий день (26 августа), как будто бы свидетельствует о сохранявшихся у Ушакова сомнениях (усугубляющихся финансовыми затруднениями и все еще не разрешенным вопросом о том, на чей счет будут отнесены расходы, уже сделанные Г. Г. Белли и А. А. Сорокиным в Южной Италии весной – летом 1799 г.): складывается ощущение, что в конечном счете вице-адмирал всецело доверился действиям своего дипломата и, заняв пассивную

позицию, подчинился воле короля Обеих Сицилий, хотя это решение далось ему нелегко («...Уведомьте обо всем, как вы расположитесь, и что вы вчера говорили с Актоном или с королем, на чем осталось последнее их мнение? Я согласен напоследок с неперменным желанием Его Величества. Увижусь с Кадыр беем и думаю тотчас пойдем отседова в Неаполь...» [\[12, л. 68\]](#))

Таким образом решение о походе эскадры в Неаполитанский залив было принято, и в этой поездке А. Я. Италинский должен был сопровождать Ушакова, о чем его просили как сам адмирал, так и Сицилийский двор [\[4, л. 51об.\]](#). Как кажется, подобный итог переговоров был в большей степени связан именно с пожеланиями Сицилийского двора, хотя, конечно, свою роль сыграла и непримиримая позиция лорда Г. Нельсона, решившего действовать без всякой оглядки на своих русских союзников (в той же записке Италинскому от 26 августа Ушаков замечал: «... До того времени как положительно все уже кончилось, Нельсон, как заметно, свою резолюцию уже взял, корабли его сегодняшней ночью отседова все пошли до одного...» [\[12, л. 67\]](#))

Отправление Ф. Ф. Ушакова в Неаполь было задержано беспорядками в Палермо, вызванными поведением сошедших на берег турецких моряков (28 августа). Эти события, стоившие жизни как минимум 14 турецким матросам (еще 40 человек пропали без вести), спровоцировали бунт на османских кораблях, команда которых потребовала возвращения турецкой эскадры в Дарданеллы. Только 2 (13) сентября 1799 г. эскадра Ф. Ф. Ушакова, состоявшая теперь исключительно из кораблей под Андреевским флагом, снялась с якоря и взяла курс на Неаполитанский залив. Инструкции, полученные Ф. Ф. Ушаковым от сицилийского короля (также через А. Я. Италинского), предписывали ему не только «поспешествовать восстановлению спокойствия и благочиния» в столице королевства, но и «учинить предприятие против французов в Римской области находящихся, отрядя на такой конец столько людей с Эскадры и от Королевских войск, сколько позволят обстоятельства» [\[4, л. 52об.\]](#).

Для более глубокого понимания того, по какой причине в инструкциях Фердинанда IV Ф. Ф. Ушакову появился пункт об отправке русского морского десанта на территорию Папского государства, необходимо сказать несколько слов о международном контексте, связанном с характером российско-неаполитанских дипломатических связей.

Начиная с февраля 1799 г. (когда до Палермо дошло известие о подписании 18 (29) декабря 1798 г. союзного договора между Россией и Неаполитанским королевством), на Сицилии с нетерпением ожидали прибытия обещанного по условиям трактата корпуса русских войск (девять пехотных батальонов с артиллерией и 200 казаков [\[26, р. 164 – 173\]](#)). С конца июля 1799 г., благодаря многообещающим депешам герцога ди Серракаприола, скорый приход в Южную Италию русского вспомогательного корпуса (во главе с генерал-лейтенантом М. В. Ребиндером) не подвергался в Палермо никаким сомнениям [\[3, л. 21 – 22\]](#). Более того, появление в ближайшем будущем сильного русского отряда казалось несомненным и для А. Я. Италинского: в письме Ушакову от 6 (17) августа он даже предполагал, что корпус М. В. Ребиндера уже осаждает Анкону [\[10, л. 154об.\]](#), а на следующий день написал письмо самому генерал-лейтенанту Ребиндеру и даже был готов лично выехать навстречу его отряду, который, как предполагалось, уже находился на марше («Августа 7/18 числа писал я к господину генерал-лейтенанту Ребиндеру, уведомляя его о долге моем стараться быть полезным ему по делам, которые

он может иметь с здешним двором. Не премину поехать к нему, когда он приблизится к границам Неапольским...» [\[4, л. 26об.\]](#)

Сицилийский двор рассчитывал, что именно русский корпус сможет до прихода австрийской армии освободить от французов территорию Папского государства и, в первую очередь, занять Анкону: на приобретение этого города в Палермо смотрели как на способ укрепить северную границу Неаполитанского королевства, противопоставив свое территориальное расширение растущему австрийскому преобладанию в Италии (именно с целью содействовать организации похода русского отряда на Анкону 5 августа 1799 г. в распоряжение русско-австрийской армии был отправлен неаполитанский дипломат А. Мишеру с письмами, адресованными Суворову и Ребиндеру [\[29, р. 250 – 251\]](#)). Между тем, к концу августа 1799 г. стало очевидно, что прибытие корпуса Ребиндера задерживается (вскоре союзниками было принято решение о его переброске в Швейцарию, о чем на Сицилии стало известно только в ноябре 1799 г.), и в то же самое время из Тосканы были получены известия о подчинении австрийскими войсками г. Пиомбино (подконтрольного неаполитанской администрации) и части о. Эльба (5 августа 1799 г.), а также о движении австрийской армии на Рим. Таким образом, угроза установления австрийского господства в Папской области становилась неминуемой, а средств противостоять этому у королевской администрации практически не было (в реляции от 19 (30) августа А. Я. Италинский писал о сожалении Сицилийского двора, «что поныне корпус господина генерал лейтенанта Ребиндера не прибыл в Рим, и что австрийские команды иметь будут время занять большую часть оныя» [\[4, л. 45об.\]](#)). В этих условиях отправка в Неаполь эскадры Ф. Ф. Ушакова и перспектива высадки на берег сильного морского десанта с русских кораблей представлялись руководству Сицилийского королевства уникальным шансом частично компенсировать слабость собственных военных сил. Не имея возможности располагать более крупным отрядом русской регулярной армии, Палермский двор решил воспользоваться для реализации своих региональных интересов поддержкой русской эскадры, и А. Я. Италинский оказал ему в этом посильную помощь.

3. Пребывание А. Я. Италинского с российской эскадрой в Неаполе (сентябрь – ноябрь 1799 г.)

Корабли эскадры Ф. Ф. Ушакова прибыли на неаполитанский рейд вечером 7 (18) сентября 1799 г. Город находился в тяжелом положении: население оставалось беспокойным, аресты и насилие на улицах Неаполя, хотя и потеряли свой прежний размах, не прекращались (особенно в отношении зажиточных жителей столицы, дома которых часто подвергались разграблению бандами вооруженных лаццарони), а в Монтеоливето (Monteoliveto) продолжала заседать Государственная судебная комиссия (Giunta di Stato), регулярно выносявшая смертные приговоры, приводившиеся в исполнение на рыночной площади (Piazza del Mercato) и в находившемся поблизости замке дель-Кармине (Castello del Carmine). Как писал в своем дневнике неаполитанский адвокат Карло ди Никола, количество убийств в городе выросло настолько, что уже нельзя было без риска для жизни выйти на улицы Неаполя после полуночи [\[30, р. 331\]](#). Не менее красноречивую запись оставил в своем дневнике мичман с эскадры П. К. Карцева Е. Е. Левенштерн (10 сентября 1799 г.): «Толкотня народа, бегающего взад и вперед, частые убийства из-за угла, угрозы лаццарони: что как только русские оставят Неаполь, они снова введут равенство (?). Страх и боязнь зажиточных жителей перед тем, что их объявят якобинцами – все это не производит приятного впечатления. Все тюрьмы и крепости полны арестованными, так называемыми якобинцами» [\[16, с. 75\]](#). В этой

неспокойной обстановке, в условиях разгула преступности, постреволюционной истерии и не ослабевающего роялистского террора, и должна была разворачиваться деятельность вице-адмирала Ф. Ф. Ушакова и находившегося при нем А. Я. Италинского.

Впоследствии Андрей Яковлевич следующим образом описал характер своей миссии в реляции императору: «Поручения, данные от Его Неапольского Величества Господину Адмиралу Ушакову при отправлении его сюда из Палермы с Ескадрою, не могли быть исполняемы иначе как с содействием здешняго правительства, что требовало непрерывного с ним сношения и ежедневной переписки. По сему обстоятельству крайне нужно было пребывание мое здесь...» [\[4, л. 64 – 64об.\]](#) Поселившись в одном из дворцов (palazzo) в прибрежном районе Кьяйя (Chiaja) в западной части города [\[12, л. 21\]](#), дипломат вступил в переписку с главными деятелями неаполитанской администрации: генеральным викарием королевства кардиналом Ф. Руффо (который уже на следующий день после прибытия эскадры в Неаполь отправил Италинскому изысканную записку с приглашением нанести ему визит и «отобедать отвратительным супом (mangiare una cattiva zuppa)» [\[10, л. 86\]](#)), директором финансов Дж. Зурло (Zurlo), а также директорами военного ведомства Неаполитанского королевства Ложеро (Logerot) и Торребруна (Torrebruna) [\[12, л. 24 – 25\]](#). Как правило, именно через Италинского передавались просьбы, предложения и сообщения неаполитанских должностных лиц, адресованные Ф. Ф. Ушакову (по целому ряду вопросов, включая размещение в Неаполе русских отрядов, отправку войск в Рим и организацию курьерской связи между адмиралом и его подчиненными на территории Папского государства). «Обратная связь» от имени адмирала Ушакова также проходила через Италинского (среди материалов личного архива дипломата сохранились черновики ответных писем на итальянском языке, составленные от имени Ушакова (например, черновик донесения Ф. Ф. Ушакова королю Обеих Сицилий Фердинанду IV от 16 октября 1799 г. [\[12, л. 104 – 107об.\]](#)), а также целый ряд документов (в частности, роспись провианта, необходимого для снабжения эскадры, от 1 октября 1799 г. [\[12, л. 217\]](#)), содержание которых Италинский, в соответствии с просьбами вице-адмирала, должен был донести до сведения неаполитанской администрации).

В первый же день после прибытия в Неаполь Ф. Ф. Ушаков встретился с кардиналом Руффо, главами военного, финансового и морского ведомств, а также командующими неаполитанским гарнизоном, после чего в течение четырех дней осматривал крепости, артиллерию, морской арсенал, магазины и части регулярной армии. Ситуация складывалась непростая: как свидетельствовал Италинский, «одна артиллерия нашлась в хорошем состоянии», а из 14 тысяч солдат неаполитанской армии «порядочными ружьями» было снабжено лишь немногим более 9 тысяч человек [\[4, л. 53 – 53об.\]](#). Помимо частей неаполитанской армии, на момент прибытия эскадры в городе находился отряд русских десантных войск во главе с капитан-лейтенантом Г. Г. Белли, летом 1799 г. участвовавший во взятии Неаполя: русские пехотинцы, число которых составляло около 550 человек, занимали прибрежный замок Кастель-дель-Ово (Castel dell'Ovo), а также частично составляли гарнизон возвышавшейся над городом крепости Сан-Эльмо (Castel S. Elmo). Десять артиллерийских орудий, приписанных к русскому отряду, были размещены в самом центре Неаполя, на площади Largo dello Spirito Santo (современная Piazza 7 Settembre), там же находились казармы русских солдат, а сам капитан-лейтенант Г. Г. Белли квартировал в расположенном на этой же площади дворце семейства д'Ангри (Palazzo Doria d'Angri) [\[12, л. 35об.\]](#).

В первый же день после прибытия эскадры по приказу Ф. Ф. Ушакова на берег был

высажен отряд из 818 человек (во главе с полковником Антоном Скипором), который должен был совместно с неаполитанцами идти на Рим – десантное войско временно разместилось в Кьяйе (Quartiere degli Esteri in Chiaja) и лишь 19 (30) сентября 1799 г. выступило в поход к границам Папского государства [\[10, л. 48\]](#). 1 октября Ф. Ф. Ушаков приказал высадить в Кьяйе еще 400 человек взамен покинувшего Неаполь отряда Скипора [\[10, л. 45, 48\]](#), однако это количество показалось недостаточным кардиналу Ф. Руффо: уже 3 октября генеральный викарий прислал А. Я. Италинскому записку, прося его ходатайствовать перед адмиралом о дополнительной высадке 200 человек, ссылаясь на информацию о распространении «злонамеренных» республиканцев в окрестностях «замка Сан-Эрамо» («Castel S. Eramo», очевидно, имеется в виду замок Сан-Эльмо) [\[10, л. 43\]](#). Два дня спустя (5 октября 1799 г.) ситуация стала еще более острой: от одного из арестованных стало известно о якобы готовящемся заговоре против королевской администрации – эта сомнительная новость вызвала в городе переполох, за которым последовало вооружение отрядов неаполитанской армии, а заседания Джунты были временно приостановлены [\[30, р. 336\]](#). Предполагалось, что выступление республиканцев произойдет в тот же день 5 октября (что интересно, согласно протоколу допроса, одной из целей заговорщиков должен был стать захват русской артиллерии на Largo dello Spirito Santo, а «главнокомандующего москвитов (il Capo generale dei Moscoviti)» они подозревали в тайном сочувствии к республиканцам [\[10, л. 187об. – 188\]](#)). А. Я. Италинский воспринял новость о заговоре с большой тревогой, о чем свидетельствует его собственноручная записка Ф. Ф. Ушакову («Полученные мною в сию минуту секретные сообщения препровождаю. Считаю, что опасность велика и требует скорейшего пособия. Я буду у вас сколь скоро приедет моя карета, между тем Ваше Высокопревосходительство прикажите сколько возможно высадить людей») [\[12, л. 114об.\]](#). 8 октября 1799 г., в ответ на переданную через А. Я. Италинского просьбу директоров неаполитанского военного ведомства Ф. Ф. Ушаков приказал усилить гарнизоны в Кастель-Нуово (Castel Nuovo) и Кастель-дель-Ово, направив в каждую крепость по 50 русских солдат из состава контингента, размещенного в Кьяйе (под общим командованием Тамеловского) [\[12, л. 35 – 36об.\]](#), а еще через два дня отдал приказ о новой высадке десанта для того, чтобы увеличить общее количество русских войск в Кьяйе [\[10, л. 33 – 33об.\]](#) (об этом А. Я. Италинского 10 октября просил кардинал Ф. Руффо [\[10, л. 34 – 34об.\]](#)). Как свидетельствует современник, в эти же дни русским солдатам была целиком поручена охрана крепости Сан-Эльмо [\[30, р. 336\]](#). Наконец, еще одним следствием ложного известия о заговоре стала просьба членов Джунты А. Я. Италинскому и Ф. Ф. Ушакову (переданная 11 октября командиром неаполитанского гарнизона генералом де Гамбсом) об отправке 36 русских солдат и 1 офицера из отряда Г. Г. Белли для охраны квартала Монтеоливето, где проходили заседания судебной комиссии (как было заявлено в письме де Гамбса, «по причине того, что каждый день сюда приводят на допрос множество государственных преступников (a motive che giornalmente ivi si conducano molti Rei di Stato per'essere esaminati)» [\[12, л. 158\]](#)). Ф. Ф. Ушаков согласился удовлетворить просьбу членов Джунты, однако приказал капитан-лейтенанту Белли ограничиться присылкой в Монтеоливето всего лишь 12 человек (в том числе обосновав свое решение тем, что «нужда тут не столь велика и опасности не предвидится» [\[12, л. 159\]](#)).

В конечном счете, помимо десантного отряда Г. Г. Белли (ок. 550 человек) и отправленного в Рим отряда Скипора (818 человек), в Неаполь с русской эскадры было высажено более 600 человек «солдат, матрос и канонир», преимущественно

расквартированных в Кьяйе и соседнем квартале Феррандина (Quartiere di Ferrandina), а также составивших гарнизоны главных неаполитанских крепостей. Русских солдат и офицеров необходимо было снабжать хлебом, мясом и вином (за счет неаполитанской казны), дровами и свечами, деньгами, лошадьми, соломой для постелей (которой особенно не хватало в казармах на Largo dello Spirito Santo [\[12, 35 – 360б.\]](#)). Кроме того, необходимо было поддерживать работу госпиталя для русских военных, в первые же дни после прихода эскадры организованного в восточном предместье Неаполя неподалеку от моста Св. Магдалины (в «Королевской фабрике Гранили на мосту Св. Магдалины (Real Fabbrica de'Granili al Ponte della Maddalena)» [\[12, л. 29 – 290б.\]](#) – вероятно, имеется в виду Palazzo dei Granili, большое здание, построенное по проекту архитектора Ф. Фуго (1779), в конце XVIII в. служившее неаполитанским властям одновременно в качестве склада зерна, артиллерийского арсенала и канатной фабрики [\[25, р. 422 – 423\]](#)), а также улаживать периодически возникавшие конфликтные ситуации. Все эти организационные вопросы требовали постоянного взаимодействия с неаполитанской администрацией, и эта задача целиком легла на плечи А. Я. Италинского, находившегося в непрерывной переписке с директорами военного ведомства, директором финансов Зурло и командующим неаполитанским гарнизоном генералом де Гамбсом.

Говоря о мерах, предпринятых Ушаковым и Италинским для предотвращения волнений в Неаполе (и де-факто в поддержку установленной в июле 1799 г. системы роялистского террора – в частности, не стоит забывать о том, что все неаполитанские крепости в то время использовались королевской администрацией как тюрьмы), нельзя не сказать об их личном отношении к происходившим в городе репрессиям. Как известно, Ф. Ф. Ушаков с первых же дней своего пребывания в Неаполе выступил горячим сторонником скорейшего возвращения в столицу королевского двора, прекращения казней и «общего прощения» (об этом в том числе шла речь в письме, написанном им Дж. Актому 7 (18) октября 1799 г. [\[22, с. 203 – 204\]](#), а также в рапорте адмирала на имя императора от 13 декабря 1799 г. [\[13, с. 223 – 226\]](#)). Насчет мнения А. Я. Италинского судить гораздо сложнее, хотя нельзя не отметить, что в своих официальных донесениях он достаточно откровенно описывал плачевное положение столицы королевства и упадническое настроение ее жителей («По связи, которая чрез родство состоит между повинными и безпорочными домами нещастие, котораго достойным сделались первые, производит и в других печальные чувствования, почему вся сия часть жителей столицы в великое погружена уныние» [\[4, л. 67 – 670б.\]](#)). Достаточно любопытен еще один эпизод, свидетельствующий о прямом участии дипломата в судьбе одного из арестованных «государственных преступников»: по просьбе Ф. Ф. Ушакова А. Я. Италинский дважды ходатайствовал перед кардиналом Ф. Руффо о скорейшем освобождении из-под стражи Анджело Кордари (Angelo Cordari), молодого студента-медика родом с о. Св. Мавры, схваченного в июне 1799 г. при вступлении в Неаполь роялистских войск [\[10, л. 25 – 260б.\]](#) (впрочем, генеральный викарий королевства так и не дал на эти ходатайства никакого конкретного ответа, сообщив о том, что поручил судебной комиссии «решить [это дело] по всей справедливости (disbrigare in giustizia)» [\[10, л. 28\]](#)).

Важнейшее положение инструкции Фердинанда IV адмиралу Ф. Ф. Ушакову касалось организации похода на Рим, однако вице-адмирал не смог в полной мере реализовать это пожелание из-за самовольных действий британского и неаполитанского командования.

13 (24) сентября 1799 г., уже после высадки отряда полковника Скипора, кардинал Ф. Руффо сообщил А. Я. Италинскому и Ф. Ф. Ушакову о перемирии, заключенном между командующим неаполитанским войском под Римом генерал-майором Буркхардтом и французским генералом Гарнье, во многом по инициативе британского commodора Трубриджа, блокировавшего с моря занятую французами Чивитавеккиа [\[4, л. 53об. – 54\]](#). Реакция Ушакова была однозначно негативной: получив проект будущей капитуляции, гарантировавший французским солдатам возвращение на родину с сохранением оружия (что в перспективе могло осложнить положение армии союзников в Северной Италии), вице-адмирал через Италинского категорически потребовал от кардинала Руффо приказать Буркхардту прекратить любые переговоры с французами до прибытия к Риму отряда полковника Скипора и написал письмо такого же содержания commodору Трубриджу. Лишь после согласия генерального викария с требованиями Ушакова (с переданными Италинскому уверениями о том, что переговоры все равно не будут иметь успеха из-за «дерзости и высокомерия (certa impertinenza, ed alterigia)» французов [\[10, л. 51\]](#)) Ф. Ф. Ушаков приказал отряду Скипора выступить на Рим (19 (30) сентября), несмотря на полученное накануне письмо от Трубриджа, в котором тот уведомил Руффо, что капитуляция будет подписана 17 (28) сентября (Ушаков и Италинский были уверены, что после получения приказов из Неаполя Буркхардт откажется подписывать этот документ, а капитуляция одной Чивитавеккиа без включения в документ крепостей Вечного города не будет иметь никакого смысла [\[4, л. 55\]](#)). Тем не менее, расчеты не оправдались: в тот же день (19 (30) сентября), уже после того как русские десантные войска выступили из Неаполя, Руффо передал Италинскому известие о том, что капитуляция Рима и Чивитавеккиа подписана (сам текст капитуляции, составленный без всякого участия российской стороны и предполагавший, как и было заявлено в проекте документа, освобождение французских солдат с сохранением за ними оружия, был получен в Неаполе 4 октября).

Важно отметить, что накануне получения новости о подписании Буркхардтом и Трубриджем капитуляции А. Я. Италинский, приглашенный Руффо к совместному обсуждению статей будущего документа, составил свой собственный вариант (в итоге, так и оставшийся на бумаге). Черновик проекта Италинского (на французском языке) сохранился в его личном архиве: в соответствии с первой статьей документа французы должны были сложить оружие и признавались военнопленными (между строк французского текста Италинским были сделаны краткие собственноручные пометки на русском языке: «Ежели возможно миновать, позволить, не включая в капитуляцию» (напротив статьи о сохранении всех бумаг за французским командующим), «Впрочем, что меньше пунктов, то лучше» и т.д.) [\[10, л. 191 – 192\]](#)

О том, как на известия о капитуляции Рима и Чивитавеккиа отреагировал Ф. Ф. Ушаков, ярко свидетельствуют письма, отправленные им в эти дни А. Я. Италинскому. Первое из них, написанное им собственноручно 19 (30) сентября (еще до получения официальных известий от кардинала Руффо, но после появления в Неаполе первых слухов о взятии Рима), явственно показывает растерянность адмирала, буквально утром этого же дня отправившего в Рим десантный отряд: «...Войска наши пошли может быть понапрасну, и в такую худую погоду. Не знаю, чем все это решится и что писать в Петербург... Нужно Вам побывать у кардинала и обо всем осведомясь меня уведомить. Столь неприличные происшествия чем решить, не знаю... Ежели Рим взят, что с войсками нашими делать, чтобы те не были толко караульщики взятых мест...» [\[10, л. 134\]](#). После того, как известие о капитуляции римских крепостей и Чивитавеккиа подтвердилось, а Буркхард, Назелли (временный губернатор Рима) и Руффо потребовали от адмирала на какое-то время

оставить русский десантный отряд в занятом неаполитанцами городе (в то время как сам адмирал намеревался перебросить отряд Скипора к Анконе в помощь блокировавшей крепость эскадре капитана Н. Д. Войновича), растерянность Ф. Ф. Ушакова сменилась гневом и раздражением. В двух письмах А. Я. Италинскому от 9 октября он буквально уговаривал самого себя проявлять терпение («терпение терпение [sic!] я соблюдать его буду до времени»), обвинял Буркхардта в «нискости... мыслей» и стремлении удержать русские войска от «полезных... исполнений», при этом не менее негативно отзываясь и о кардинале Руффо («...Объясняют свои безпокойства без наималейшей на нашу сторону пользы и тут же дерзко называют нас гарнизоном. Это слово для нас бесщечно, чтобы флот Его Императорского Величества составлял гарнизон и только помогал бы содержанием караулов, это письмо сочинено в канцелярии кардинала Руффо и почти тем же штилем, не отдана нам ни в чем никакая справедливость и столько же я недоволен, как и всеми их поступками, с которых они нам и малейшей чести ни в чем не отдают» [\[12, л. 164 – 164об.\]](#), [\[12, л. 168 – 169\]](#)).

Раздражение Ушакова кажется совершенно понятным, если принять во внимание тот факт, что именно содержание гарнизонов стало осенью 1799 г. одной из главных задач моряков и солдат русского флота, как в Риме, так и в Неаполе. При этом любые попытки вице-адмирала перейти к активным действиям (взятие Мальты, поход отряда Скипора на Рим, его переброска к Анконе) были фактически сведены на нет британскими и неаполитанскими союзниками («Подняли и воскресили мы мертвых людей», – с горечью писал вице-адмирал о неаполитанцах, – «Они в благодарность отнимают заслугу, что тяжелее может быть для людей военных» [\[12, л. 164об.\]](#)). Что любопытно, в действиях неаполитанского командования Ушаков был склонен видеть политическую подоплеку: с его точки зрения, кардинал Руффо и неаполитанский кабинет стремились максимально отстранить русские войска от «дела освобождения Рима и Римской области» и благодаря этому приобрести большее, нежели Санкт-Петербургский двор, влияние на будущие выборы Папы Римского («Ети прожекты клонятся по мнению моему касательно до переговоров, когда будет возведение Папы, чтоб они более имели резон и голос, нежели наш двор» [\[12, л. 169\]](#)).

Это мнение Ф. Ф. Ушакова, конечно, не соответствовало действительности. Требуя оставления русского отряда в Риме, неаполитанская администрация преследовала иные цели, о которых кардинал Руффо совершенно откровенно сообщил А. Я. Италинскому в устной беседе 1 октября 1799 г.: заняв Рим до подхода к городу австрийской армии (именно по этой причине подписанная Буркхардтом и Трубриджем капитуляция была одобрена королем Обеих Сицилий, несмотря на жалобы Ф. Ф. Ушакова [\[28, р. 287\]](#)), неаполитанское командование должно было удержать Вечный город и не потерять его точно также, как в начале августа 1799 г. им был потерян тосканский город Пиомбино, фактически захваченный австрийцами, – для этого в Риме и должен был оставаться русский отряд, зримое доказательство того, что город был занят не одними неаполитанцами, а соединенными силами союзников («... Наконец потребно в Риме на некоторое время российское войско, дабы не воспоследовало то, что случилось в Пиомбино, откуда австрийцы выгнали неапольский гарнизон, которым отнят был город оный от французов» [\[4, л. 56об.\]](#)). Кроме того, по мнению Назелли и Буркхардта, русские войска гораздо лучше, нежели неаполитанская армия, могли содействовать сохранению в Риме «общего спокойствия» [\[4, л. 61об. – 62\]](#). Эти обстоятельства, а также, как это ни парадоксально, известие о подходе к Анконе австрийской армии генерала Фрёлиха, в конечном счете, способствовали тому, что десантный отряд Антона Скипора оставался в

Риме до начала ноября 1799 г.

28 сентября (9 октября) 1799 г. А. Я. Италинский получил Высочайший рескрипт от 4 августа 1799 г., придавший его миссии новый характер: отныне дипломат должен был играть главную роль в обеспечении власти императора Павла I над островом Мальта. В ответной реляции от 30 сентября (11 октября) Италинский писал: «Употреблю ревностное старание во исполнении поручения, которое всемилостивейше соизволили Ваше Императорское Величество возложить на меня. Много поспешествовать мне в том может сверх переписки личное сношение с некоторыми почтеннейшими мальтийцами и изустное объяснение великодушных Вашего Императорского Величества намерений касательно до благоденствия их. Почему я, сколь скоро не будет особливой надобности продолжать пребывание мое здесь, отправлюсь в Палерму, а оттуда в Мальту...» [\[4, л. 58 – 58об.\]](#) Подобное поручение не кажется удивительным, если принять во внимание тот факт, что именно российская дипломатическая миссия в Королевстве обеих Сицилий ближе всего располагалась к Мальте, а сицилийский король официально признавался верховным сувереном острова (в то время как рыцари ордена Св. Иоанна Иерусалимского формально владели им как фьефом).

Новые повеления, полученные А. Я. Италинским, неизбежно должны были заставить его покинуть Неаполь. Однако еще до того, как это произошло, изменилось и положение Ф. Ф. Ушакова: 21 и 22 октября 1799 г. через Италинского вице-адмиралу были переданы «воля и желание» короля Обеих Сицилий «о скорейшем отправлении войск... в Мальту» [\[12, л. 173 – 173об.\]](#), а еще позже им было получено (также через Италинского) письмо от Г. Нельсона (от 24 октября), посвященное необходимости совместными усилиями организовать взятие Валетты [\[4, л. 96 – 98\]](#) (в письме Мусину-Пушкину от 30 октября Ушаков, вынужденный теперь отозвать отряд Скипора из Рима и вернуть на корабли часть «неаполитанского» десанта, не мог скрыть своего раздражения: «Как может войско бегать взад и вперед на столь дальнее расстояние?» [\[13, с. 177\]](#)). Итак, расположения союзников переменялись, русская эскадра готовилась к новому походу, и немаловажной задачей, вставшей перед Италинским, являлись теперь переговоры с неаполитанской администрацией и Сицилийским двором о заготовке морского провианта для мальтийской экспедиции (частично он уже был подготовлен в Мессине благодаря деятельности российского консула А. Манзо) – сложность этих переговоров была вызвана в первую очередь серьезным неурожаем на Сицилии [\[4, л. 100 – 101\]](#). Помимо этого, уже с середины октября 1799 г. Ушаков и Италинский предприняли все необходимые меры для организации похода выступивших из Ливорно в Неаполь трех батальонов под командованием генерал-майора Д. М. Волконского (ок. 2500 человек), предназначенных для гарнизона Мальты (по предложению директоров неаполитанского военного ведомства по прибытии в Неаполь они также должны были быть временно размещены в Кьяйе (Piedigrotta) [\[12, л. 40 – 40об.\]](#)).

А. Я. Италинский покинул неаполитанский рейд 2 (13) ноября 1799 г. (за два дня до прихода батальонов Д. М. Волконского) и спустя четыре дня прибыл в Палермо, где продолжил переговоры о снабжении русской эскадры, активно взаимодействуя с Г. Нельсоном и Дж. Актоном [\[4, л. 102 – 104об.\]](#). «Кульминацией» мальтийской миссии дипломата стало его 11-дневное пребывание на Мальте (с 15 (26) декабря 1799 г.), во время которого он смог ознакомиться с настроениями мальтийцев, а также вступить в непосредственное взаимодействие с британским офицером А. Боллом, утвержденным

Фердинандом IV в должности губернатора острова [\[6, л. 1 – 3\]](#), [\[21, с. 260 – 262\]](#).

К моменту возвращения А. Я. Италинского в Палермо (2 (13) января 1800 г.) ситуация успела измениться кардинальным образом: адмирал Ф. Ф. Ушаков, покинув Неаполитанский залив вместе с эскадрой и батальонами Д. М. Волконского (на неаполитанском рейде остались только три линейных фрегата капитана А. А. Сорокина, а в городе – отряд Г. Г. Белли), получил два Высочайших рескрипта из Санкт-Петербурга от 8 и 23 октября 1799 г., предписывавшие ему вернуться на Корфу, а оттуда – в черноморские порты (если первый рескрипт, полученный вице-адмиралом еще в Неаполе, был составлен в обтекаемых формулировках, то второй, дошедший до него уже в Мессине, не оставлял никаких сомнений в воле императора Павла I [\[13, с. 174 – 175\]](#)). Стремясь соблюсти тайну, Ушаков сообщил Сицилийскому двору о том, что должен идти на Корфу для починки судов, и лишь Мусину-Пушкину и Италинскому (с которым он увиделся в Мессине) открыл истинный характер повелений из Санкт-Петербурга. Как свидетельствовал в одной из реляций В. В. Мусин-Пушкин (6 (17) января 1800 г.), по возвращении в Палермо А. Я. Италинский со всей откровенностью сообщил Дж. Актому о содержании рескриптов Ф. Ф. Ушакова, и это известие стало для Сицилийского двора «великим ударом» [\[7, л. 7 – 8\]](#). Теперь, после ухода из Центрального Средиземноморья сильной российской эскадры, не могли быть реализованы ни «мальтийская авантюра» императора Павла I, ни план Сицилийского двора по противодействию австрийскому влиянию с опорой на военную поддержку Российской империи. Следовательно, неизбежно должен был измениться и характер деятельности советника посольства А. Я. Италинского, напрямую вовлеченного в реализацию обоих «проектов».

4. Заключение

Вторая половина 1799 г. стала для дипломатической миссии Российской империи в Королевстве обеих Сицилий временем наибольшей активности по сравнению с предшествующим периодом. Эта объективно периферийная структура, де-факто подчиненная российским посольствам в Константинополе и Вене, в условиях войны Второй коалиции оказалась в центре стратегического планирования и переговоров между союзниками.

Главную роль в этом сыграл советник посольства Андрей Яковлевич Италинский, опытный и исполнительный дипломат, более десяти лет направлявший работу миссии, отличавшийся большим трудолюбием и пользовавшийся почти безграничным доверием Сицилийского двора – именно этому доверию он был обязан своим новым назначением в мае 1799 г. Опираясь на поддержку первого министра Дж. Актона и неаполитанской королевской четы (а также своих покровителей, в первую очередь С. Р. Воронцова и В. П. Кочубея), весной – летом 1799 г. А. Я. Италинский смог добиться улучшения своего положения при миссии, фактически отстранив от реальной работы В. В. Мусина-Пушкина-Брюса, молодого и неопытного российского посланника при дворе короля Обеих Сицилий. Речь при этом шла не о разнице взглядов на неаполитанскую политику, а исключительно о личном конфликте на почве несоответствия реального положения дипломатов формально занимаемым ими должностям (также как и недовольство Палермского двора, повлекшее за собой решение об отзыве В. В. Мусина-Пушкина из Южной Италии, было вызвано скорее «частным поведением» посланника, нежели какой бы то ни было критикой политики Неаполитанских Бурбонов).

Несмотря на то, что в Санкт-Петербурге, наделяя Италинского новыми полномочиями, главное значение придавали обустройству республики на Ионических островах, в

реальной обстановке лета – осени 1799 г. основная деятельность дипломата свелась в первую очередь к выполнению роли посредника между Сицилийским двором, Г. Нельсоном, А. В. Суворовым и Ф. Ф. Ушаковым. Особенно активно А. Я. Италинский играл эту роль в конце августа – ноябре 1799 г., находясь при вице-адмирале Ф. Ф. Ушакове в Палермо и Неаполе.

С одной стороны, следует отметить *незаменимость* дипломата, занимавшегося непрерывной перепиской с Сицилийским двором и неаполитанской администрацией по целому ряду вопросов, касающихся как насущных нужд эскадры, так и проблем более частного характера (в ряде случаев он даже составлял документы на иностранном языке от имени вице-адмирала, а в октябре 1799 г. должен был смягчать гнев Ушакова, недовольного поведением своих союзников). С другой стороны, в некоторых ситуациях А. Я. Италинский, выполняя роль посредника, фактически выступал по отношению к Ф. Ф. Ушакову в качестве «проводника» воли Сицилийского двора (прежде всего, в тот момент, когда было принято решение о походе эскадры на неаполитанский рейд вместо того, чтобы идти на Мальту).

Во второй половине 1799 г. российская эскадра совершенно точно играла по отношению к союзникам роль вспомогательной силы, чему немало способствовала неопределенность стоявших перед ней задач. В этих условиях важнейшее значение могли иметь переговоры с командованием союзников, однако единственным реальным результатом этих переговоров, состоявшихся в Палермо в конце августа 1799 г., стало фактическое подчинение действий эскадры Ф. Ф. Ушакова региональным интересам Королевства обеих Сицилий (обеспечение безопасности Неаполя, занятие Рима прежде австрийской армии, борьба с влиянием Венского двора в Центральной Италии). В связи с этим особенно характерен тот факт, что отныне русский адмирал должен был в своих действиях руководствоваться инструкцией короля Фердинанда IV, и королевская же просьба, переданная Ушакову через Италинского в октябре 1799 г., оказалась необходимой для начала подготовки так и не состоявшейся мальтийской экспедиции.

Хотя нельзя недооценивать роль других факторов (расплывчатость инструкций из Санкт-Петербурга, враждебность британского командования, ослабление русской эскадры из-за ухода турецких кораблей, состояние русских судов и др.), кажется, что на сложившееся положение дел в некоторой степени повлияли и личные расположения А. Я. Италинского, который в тот момент, судя по всему, вполне искренне верил в совпадение интересов Неаполитанского королевства и Санкт-Петербургского двора (как он впоследствии писал генерал-лейтенанту М. М. Бороздину (прибывшему в Неаполь в марте 1800 г.), «мне кажется, что, сообразуясь с желаниями короля, Вы не можете не угодить Императору» [\[18, с. 25 – 26\]](#)). Эти представления Италинского, наряду с относительно слабым характером коммуникации между Южной Италией и Санкт-Петербургом, в течение 1800 г. привели к серьезному расхождению между действиями дипломата, с готовностью выполнявшего просьбы Сицилийского двора (в том числе об оставлении на неаполитанском рейде фрегатов А. А. Сорокина), и политикой императора Павла I, после разрыва с основными союзниками по коалиции требовавшего возвращения всех русских войск и кораблей в российские пределы. В начале 1801 г. это едва не закончилось катастрофой, когда русские фрегаты, так и не покинувшие Неаполь (несмотря на однозначные приказы из Санкт-Петербурга), были фактически блокированы в Неаполитанском заливе британской эскадрой [\[11, л. 11\]](#), и лишь изменение внешнеполитического курса Российской империи в марте 1801 г. предотвратило дальнейшее ухудшение ситуации.

Библиография

1. АВПРИ. Ф. 6. Оп. 6/2. Д. 199.
2. АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 272.
3. АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 274.
4. АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 275.
5. АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 285.
6. АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 286.
7. АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 287.
8. АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 350.
9. АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 355.
10. АВПРИ. Ф. 70. Оп. 70/2. Д. 465.
11. АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8222.
12. АВПРИ. Ф. 340. Оп. 598. Д. 1.
13. Адмирал Ушаков, т. III. М., 1956.
14. Гребенщикова Г. А. Андрей Яковлевич Италинский // Вопросы истории. 2018. № 3. С. 20-35.
15. Зайцева Д. В. Неаполитанская республика 1799 г. в донесениях русского дипломата В. В. Мусина-Пушкина-Брюса: новый взгляд на источник // Французский ежегодник. 2024. Т. 57. М., 2024. С. 113-127.
16. Левенштерн Е. Е. Дневники Е. Е. Левенштерна, офицера Русского Императорского флота / пер. с нем. Т. К. Шафрановской и А. Шурбелева. СПб., 2024.
17. Овчинников В. Д. Адмирал Федор Ушаков – святой праведный воин. Ярославль, 2016.
18. Поливанов М. М. Бороздин, начальник охраны Неаполитанского короля. 1800–1802 гг. СПб., 1912.
19. Сибирева Г. А. Неаполитанское королевство и Россия в последней четверти XVIII в. М., 1981.
20. Станиславская А. М. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798–1807). М., 1962.
21. Стегний П. В. В тени восьмиконечного креста. Мальтийский орден и его связи с Россией. М., 2013.
22. Тарле Е. В. Сочинения. Т. X. М., 1959.
23. Conforti L. Napoli nel 1799. Critica e documenti inediti. Napoli, 1889.
24. Davis J. A. Naples and Napoleon. Southern Italy and the European Revolutions (1780–1860). Oxford University Press, 2009.
25. De Fusco R. L'architettura della seconda metà del Settecento // Storia di Napoli. V. 8. Arte, cultura e società nel '700. Napoli, 1971.
26. Di Somma C. Une mission diplomatique du Marquis De Gallo à Saint-Pétersbourg en 1799. Napoli: Luigi Pierro Editore, 1910.
27. Knight R. The Pursuit of Victory. The Life and Achievement of Horatio Nelson. New York, 2005.
28. La riconquista del Regno di Napoli nel 1799. Lettere del cardinal Ruffo, del re, della regina e del ministro Acton / a cura di B. Croce. Bari, 1943.
29. Maresca B. Il Cavaliere Antonio Micheroux nella reazione napoletana del 1799. Napoli, 1895.
30. Nicola C. de. Diario Napoletano. 1798–1825. P. I. Napoli, 1906.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не

раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемый текст «Между адмиралом Ф. Ф. Ушаковым и Сицилийским двором: дипломатическая миссия А. Я. Италинского в Неаполе (1799 г.)» является объемным и глубоким исследованием малоизвестного аспекта российской внешней политики конца XVIII века, а именно дипломатического сопровождения военных усилий Российской империи в рамках Второй антифранцузской коалиции. Традиционно павловская внешняя политика изучается в меньшей степени, оттесняемая более масштабными и победоносными событиями правления Екатерины II и Александра I; при обращении же к событиям этого периода на первый план традиционно выходят походы А.В. Суворова или экспедиции Ф.Ф. Ушакова. Данная работа выходит далеко за рамки традиционного набора представлений о внешней политике Павла I и рисует сложный клубок противоречий, сложившийся в Средиземноморье в 1799 г. Автор ставит в центр исследования неординарную фигуру российского дипломата Андрея Яковлевича Италинского, но не ограничивается этим, рассматривая широкий круг вопросов российской внешней политики; среди контактов Италинского мы видим Ушакова, Нельсона, В. Мусина-Пушкина, Сицилийский двор и т.д. Круг затрагиваемых вопросов включает историю назначения А. Я. Италинского «уполномоченным по военным делам», восприятие им неаполитанских событий в июне – июле 1799 г., особенности взаимодействия с руководством, российскими военными (в т.ч. адмиралом Ф. Ушаковым) и администрацией неаполитанских Бурбонов. Работа построена на основательном фундаменте документов из Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ), включающем официальные реляции и депеши, материалы личного архива Италинского, письма и т.д. Автор указывает на слабую изученность темы, при обращении к советской историографии оспаривает некоторые положения монографии Г. А. Сибиревой «Неаполитанское королевство и Россия в последней четверти XVIII в.» (1981). Работе присуща продуманная трехчастная композиция: 1. Новое назначение А. Я. Италинского (весна – лето 1799 г.). Российская дипломатия и подавление неаполитанской революции. Прибытие эскадры Ф. Ф. Ушакова в Палермо (август 1799 г.) 3. Пребывание А. Я. Италинского с российской эскадрой в Неаполе (сентябрь – ноябрь 1799 г.), постоянное обращение к источниковой базе, развернутые обоснованные выводы, которые не только обобщают дипломатическую деятельность А. Я. Италинского в рассматриваемый период, но и позволяют сделать выводы о имевшихся на тот момент проблемах в реализации различных задач российской внешней политики в целом: «... нельзя недооценивать роль других факторов (расплывчатость инструкций из Санкт-Петербурга, враждебность британского командования, ослабление русской эскадры из-за ухода турецких кораблей, состояние русских судов и др.), кажется, что на сложившееся положение дел в некоторой степени повлияли и личные расположения А. Я. Италинского, который ... искренне верил в совпадение интересов Неаполитанского королевства и Санкт-Петербургского двора. Эти представления Италинского, наряду с относительно слабым характером коммуникации между Южной Италией и Санкт-Петербургом, ... привели к серьезному расхождению между действиями дипломата... и политикой императора Павла I». Работа выполнена на высоком научно-методическом уровне и рекомендуется к публикации.